

ЦИРКУМФИКСАЛЬНЫЕ НАРЕЧИЯ В РУССКОМ ФОЛЬКЛОРЕ (НА МАТЕРИАЛЕ БЫЛИН)

И. П. Черноусова

*Липецкий государственный педагогический университет
имени П. П. Семенова-Тян-Шанского*

Поступила в редакцию 16 мая 2023 г.

Аннотация: в статье на материале русских былин анализируются циркумфиксальные наречия, образованные от прилагательных, по модели *по-...ски /-ки, по-...ому /-ему*. Специфика семантики таких наречий в тексте былин во многом определяется их функцией: они служат для идеализации былинной картины мира. В большинстве случаев они содержат положительную оценку действий или качеств. Циркумфиксальные наречия, составляющие в русском фольклоре небольшой лексический класс, являются эстетически маркированными лексемами, обогащенными эстетическим «приращением смысла»: в составе фольклорных формул они содержат дополнительные культурные смыслы, отражающие традиционные идеалы и ценности народа. Циркумфиксальные наречия, отмеченные в былинах, могут вступать как в синонимические, так и антонимические отношения. Их изучение представляет научный интерес, ибо способствует лучшему пониманию фольклорно-языковой картины мира.

Ключевые слова: циркумфикс, циркумфиксальные наречия, семантика, «приращение смысла», былинная картина мира, фольклорная формула.

Abstract: based on the material of Russian epic tales, the article investigates circumfix adverbs derived from adjectives according to the *no-...ски /-ки, no-...ому /-ему* pattern. The peculiarity of the semantics of such adverbs in the text of epic tales is largely determined by their function: they serve to idealise the epic tale picture of the world. In most cases, they contain a positive assessment of actions or qualities. Circumfix adverbs as a lexical subclass in Russian folklore are aesthetically marked lexemes enriched with an aesthetic 'increment of meaning': as part of folklore formulas, they contain additional cultural meanings that reflect the traditional ideals and values of the people. Circumfix adverbs registering in epic tales can enter both into the relations of synonymy and antonymy. Their study is of scientific interest since it contributes to a better understanding of the folklore-linguistic picture of the world.

Keywords: circumfix, circumfix adverbs, semantics, 'increment of meaning', epic tale picture of the word, folklore formula.

Былинная картина мира представляет собой идеализированный образ эстетически преобразованного этногосударственного мира, располагавшегося в исторически ограниченном времени и пространстве. Мнение об идеальности эпического мира высказывалось многими учеными: И. А. Оссовецким [12, 75], Б. Н. Путиловым [16, 16; 17, 25], С. Е. Никитиной [9, 139], Е. Б. Артеменко [1, 21], М. А. Венгранович [6, 89] и др. Идеализация фольклорного мира, которую Е. Б. Артеменко считает средством «эффективного воздействия на членов традиционного социума», осуществлялась в двух аспектах — «в плане содержания и в плане выражения фольклорного текста. В рамках первого из них — содержательного — она реализовывалась путем ориентации общества не на мыслившиеся реальными сакрализованные явления прошлого, а на созданные творческой мыслью народа образцы социального поведения, соот-

ветствовавшие канонам патриархального, главным образом, народно-православного мировоззрения... Идеализация плана выражения фольклорной картины мира достигалась преимущественно сообщением устно-поэтическому материалу эстетических свойств» [2, 266–267].

Эстетическая идеализация былинной картины мира создавалась различными изобразительно-выразительными средствами языка (метафорами, метонимией, символами, сравнениями, образным параллелизмом и др.), которые возникли в результате преобразования модального плана реальности в ирреальный план фольклорно-миметического подобию. Среди них особое место занимают **циркумфиксальные наречия** — наречия, образованные от прилагательных, реже — притяжательных местоимений при помощи циркумфикса (лат. *circumfixus* — укрепленный кругом), т.е. аффикса, состоящего из двух частей (префикса и постфикса) и несущего единое значение, по модели *по-...ски /-ки, по-...ому /-ему*. Такие наречия

относятся к разряду определительных со значением сравнения или уподобления. М. А. Бобунова называет их сравнительно-уподобительными [5, 11].

Цель работы — определить специфику семантики циркумфиксальных наречий в русской былинной и их роль в создании былинной картины мира.

Материалом для исследования послужили авторитетные собрания былин, записанных Киришени Даниловым [8], А. Ф. Гильфердингом [10], А. Марковым [3], П. Н. Рыбниковым [13], Н. Е. Ончуковым [11]. В примерах нами сохраняется орфография и пунктуация источников.

Большинство циркумфиксальных наречий входит в состав фольклорных формул, которые отличаются устойчивостью и повторяемостью, содержат типизированные культурные смыслы, отражающие традиционные ценности народа. Циркумфиксальные наречия в былинах воспринимаются нами как эстетически маркированные лексемы, обогащенные эстетическим «приращением смысла».

В фольклорной формуле, описывающей игру на гусях: «Заиграл в гусельшки яровчатые **по-уныльному** / **по-умильному** / **по-веселому**», циркумфиксальные наречия передают виртуозное мастерство гусяров, умевших создать различные настроения участников почестного пира:

*Повёл он по гусельшкам яровчатым,
Заиграл Добрыня по уныльнёму,
По уныльнёму, по умильнёму.
<...> За тым заиграл Добрыня по весёлому, —
Стало красно солнышко при вечери,
А стал-то тут почестный пир при весели...
Как вси оны затым росскакалесе,
Как вси оны затым ведь росплясалесе,
А скачут пляшут вси промежу собой...
[10, № 49, 446–447].*

В фольклорной формуле «В палатах / тереме все (сделано) **по-небесному**» циркумфиксальное наречие *по-небесному*, содержащее сравнение с небесным сводом (солнцем, луной и звездами), обозначает высшую степень украшения интерьера:

*В теремы зайдеш златоверхие,
На небе солнце, и в тереме солнце,
На небе зори, и в тереме зори,
Все-то в терему по небесному
[13, № 144, 322].
А й как сделал Садке да в своих он полатушках,
А й как обделал в теремах всё да по небесному:
А й как на неби пекет да красно уж солнышко, —
В теремах у его пекет да красно солнышко;
А й как на неби светит млад да светёл месяц, —
У его в теремах да млад светёл месяц;
А й как на неби пекут да звезды частыи, —
А у его в теремах пекут да звезды частыи
[10, № 70, 645].*

В фольклорной формуле этикета, описывающей поведение богатыря в помещении, имеющем са-

кральное значение (церкви, белокаменных палатах у князя Владимира, родительском доме, а также в гостях): «Крест кладет **по-писаному**, Молитву творит **по-книжному**, Поклон ведет **по-ученому**», — циркумфиксальные наречия *по-писаному*, *по-книжному*, *по-ученому* имеют значение: правильно, вежливо, по заведенному обычаю, как положено вести себя в конкретной ситуации:

*И крест-от он кладёт да по-писаному,
И молитву-ту творит изусть по-книжному,
И поклон-от он ведёт да по-ученому
[10, № 272, 416].
Входит-то он в церковь в Божий храм,
Крест-от кладет по-писаному,
Поклон-от ведет по-учёному,
Иконам нерукотворенным поклоняется
[10, № 120, 324].*

Фольклорная формула «Засвистал / свищет **по-соловь-иному** / **-ему**, зашипел / заздыхал / засвистал **по-змеиному**, закричал / кричит / зарыкал **по-звериному**», характеризующая богатыря или Соловья Разбойника, свидетельствует о том, что они знают языки животных, что в свою очередь говорит о посвященности, сакральной отмеченности [14, 230–231], то есть о том, что входит в понятие «жреческий комплекс» в его архаических формах. В данном контексте циркумфиксальные наречия передают силу богатыря или его врага, умеющего воздействовать на окружающий мир:

*Зарыкал Илья да по звериному,
Засвистал Илья да по змеиному,
Под богатырем конь да на колена пал
[10, № 226, 207].
Соловей сидит разбойник Одихмантьев сын,
То как свищет Соловей да по соловьяему,
Как кричит злодей разбойник по звериному,
То все травушки-муравы улетаются,
А лазуревы цветки прочь отсыпаятся,
Темны лесушки к земли вси приклоняются,
А что есть людей, то вси мертво лежат
[10, № 74, 15].
А й засвистал Соловей по соловьяиному,
А й закричал тут Соловеюшко по звериному.
А й заздыхал Соловеюшко по змеиному
[10, № 210, 81].*

В фольклорной формуле, описывающей корабль Соловья Будимировича: «Нос, корма, бока (вз-/вы-ведены) **по-туриному** / **по-звериному** / **по-лосиному** / **по-турскому**, хобот (мечет) **по-змеиному**», циркумфиксальные наречия подчеркивают звериный облик корабля, основанный на древних анимистических представлениях:

*Один корабль наперед бежит,
Нос корма по звериному,
Бока-ты у его по туриному,
И хобот-ты мече по змеиному,
И мест очей было вставлено*

По дорогому камню самоцветному
[10, № 208, 63].

Хорошо корабли изукрашены,
Хорошо корабли изнаряжены:
И нос корма да **по туриному**,
Широки бока **по лосиному**
[10, № 68, 616].

В этом образе нашли отражение черты древнерусского торгового судна, имеющего вид животного. Несмотря на то, что «корабль Соловья Будимировича — вполне исторический, раннекиевский тип богатого торгового судна» [15, 171], в былинной картине мира «звериные детали становятся только украшениями... свидетельствующими о богатстве хозяина корабля» [18, 130]. Такие наречия содержат положительную оценку, что дополнительно подчеркивается характеристикой: «хорошо корабли изукрашены», «один корабль полутче всех» [8, № 1, 9]. Корабль украшен дорогими мехами («черным соболем, якутским», «горностаями», «лисицами бурнастыми», «медведями белыми заморскими» [8, № 1, 10–11]) и самоцветными камнями, что также создает колорит идеального былинного мира.

Циркумфиксальные наречия *по-здоровому*, *по-хорошему* в конце былины «Соловей Будимирович» выражают одобрение певцами женитьбы Соловья Будимировича на Забаве Путятичне. Это одобрение, как считает В. Я. Пропп, вызвано тем, что «жених и невеста — оба обыкновенные русские люди, эпически идеализированные (он — богатый гость, она — племянница князя Владимира)» [15, 179]:

А начали тут они да жить-то быть,
А жить-то быть да семью сводить,
А семью сводить да детей наживать.
А стал-то он тут по-здоровому,
А стал-то он да по-хорошему
[10, № 53, 501].

Представляют особый интерес циркумфиксальные наречия, образованные от этнонимических прилагательных, которые, в свою очередь, образованы от этнонимов, в значении которых выделяется сема: «лицо» по национально-этническому признаку: *по-русски/-ому*, *по-татарски/-ому*, *по-немецки/-ому*, *по-турецки/-ому*.

Такие наречия могут указывать на необычность, неординарность действия. Например, жена Ставра Годиновича Василиса Микулична, чтобы выручить своего мужа, переодевается в мужскую одежду и делает мужскую прическу:

Она волосы брила **по турецкому**,
Кудерьшки вила **по молодецкому**
[10, № 169, 624].

Синонимами наречия *по-турецкому* в былине «Ставр» являются *по-молодецкому*, *по-мужичьему*: «Подбривала волоса свои женские **по мужичьему...**» [10, № 21, 271].

Фольклорная формула «Уметь говорить по-

русски/-ому, (*про-*)*толмачи(-ва-)*ть *по-татарскому* / *по-немецкому*» характеризуют особенности речи переводчика:

Выбирал татариченка малава,
Которой по-русьски умел говорить,
Он горазд толмачить по татарскому,
Он и писал ему грамоту скорописчату
[10, № 304, 542].

Из вась бываль-ле кто на святой Руси?
А по-русьскому кто говариваль,
По нъмецкому протолмачиваль?
[11, № 26, 137].

Другая фольклорная формула «Назвать / говорить / сказать *по-русски* (*по-русскому*)» указывает на принадлежность к «своему» миру, который является отправной точкой составления мнения об окружающем и формулирования моральных принципов. Циркумфиксальное наречие *по-русски* (*по-русскому*) указывает на оценку, которая традиционно дается на Руси определенным поступкам с точки зрения русского сознания:

Кто из нас убьет, или украдет ли,
Или **по-русскому** сказать —
Как сделат тяжкий блудный грех,
И того казнить ведь казнию калицкою
[10, № 173, 652].

Стоят-то тут станичники пленичники,
Да **по-русьскому** воры разбойники,
А денный ночный подорожники
[10, № 197, 17].

Для сказителя является важным не просто обозначить предмет или явление, но и назвать его *по-русски*, то есть правильно, с точки зрения русского человека:

Во первых, ты мне невеста обрученная,
Во вторых, мне княгиня первобрачная,
А по-руськёму назватъ — жона венчальная
[11, № 93, 380].

Есть примеры, в которых циркумфиксальные наречия называют одну и ту же реальму с разных сторон — русской и чужой:

Во белых-то во шадрах-то есть-то сорок раз-
бойницьковъ,

Ай по-руськи-то назватъ — сорок татарьницковъ,
По-татарьски-то назватъ — сорок камышниц-
ковъ.

≤...> Ужъ вы гой еси, тотара, вы поганцы!

Ай по-руськи-то назватъ, дак вас тотарами,
По-татарьски-то назватъ — дак вы камыш-
нички
[3, № 45, 229].

Е. С. Березкина считает, что «вряд ли камышнички действительно является эндоэтнонимом татар, вероятнее всего, здесь имеет место народная фантазия, но она реальна в плане выделения своего и чужого посредством языка» [4, с. 42]. Камышнички — разбойники, у которых притоны в камышах [7, с. 83].

В некоторых случаях синонимом наречия *по-русскому* является *по-нашему*:

*Да налетало на молодца стадо грачѣв,
Да по нашему стадо черных воронов*
[10, № 225, 187].

Циркумфиксальное наречие *не по-нашему* используется в речи Дюка, сравнившего Киев с городом, откуда он приехал (Вольнюю, Галичем, Индией, Сарачиной и др., названия которых являются иноска-занием), и раскритиковавшего Киев «с целью само-восхваления и самовозвеличения» [15, 488]:

*Ажно в Києви у вас да не по-нашему:
Церкви-ты у вас да деревянныя,
У вас маковки на церквах все осиновые,
Мостовыя у вас черною землею изнасытаны*
[13, № 29, с194].
*У вас в Києви-то все да не по-нашему:
Настланы у вас мосточки кирпичные,
Да й поручинки положены калиновы;
<...> Да все в Києве у вас есть не по-нашему:
Да й у вас как сделана-то бочечка дубовая,
Да й набиваны обручки еловыи,
У вас делано мешалочко сосновое,
А ще тут у вас да й колачи месят;
У вас делана как печка-то кирпичная,
У вас топятся-то дровця-ты еловыи,
У вас делано помялышко сосновое,
А и тут у вас да колачи пекут*
[10, № 85, 127–128].

Циркумфиксальные наречия, отмеченные в былинах, могут вступать как в синонимические, так и антонимические отношения: метафора в фольклорной формуле «*На Руси трава растет по-старому, цветы цветут по-прежнему*» [10, № 91, с. 174] заключает идею непобедимости русского народа, а предположения врага «*На Руси-то трава растет не по старому, Цветы цветут не по прежнему, А на Руси трава растет не по-прежнему, А видно Волги-то живаго нет*» [Там же], и его вывод, что можно совершить нападение на святую Русь, являются ошибочными и полностью развенчиваются в былинах.

Таким образом, большинство циркумфиксальных наречий (*по-книжному, по-писаному, по-ученому, по-небесному, по-туриному / по-звериному / по-лосиному, по-умильному, по-хорошему, по-здоровому, по-веселому, по-старому, по-прежнему* и др.), содержащих положительную оценку действий или качеств, служат для идеализации былинной картины мира. Наречия, образованные от этнонима русский (*по-русски, по-русскому*), что значит *по-нашему, содержат традиционную и правильную с точки зрения русского человека оценку, даваемую на Руси определенным предметам, явлениям и поступкам. Некоторые циркумфиксальные наречия (по-звериному, по-змеиному) входят в состав разных фольклорных формул и имеют разное значение: в первом случае характеризуют силу богатыря или его врага (Соло-*

вь Разбойника), во втором случае — красоту корабля Соловьѣя Будимировича.

Итак, специфика семантики циркумфиксальных наречий, которые входят в состав фольклорных формул, определяется эстетическим «приращением» культурных смыслов, отражающих традиционные идеалы и ценности народа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Артеменко Е. Б. Традиция в мифологической и фольклорной репрезентации (Опыт структурно-когнитивного анализа) / Е. Б. Артеменко // Первый Всероссийский конгресс фольклористов. Сборник докладов. — Т. II. — М.: ГРЦ русского фольклора, 2006. — С. 6–30.
2. Артеменко Е. Б. Миф — фольклор: аспект модальности в его концептуальной и языковой презентации / Е. Б. Артеменко // Народная культура сегодня и проблемы ее изучения: сборник статей. Материалы научной региональной конференции 2012 г. / ВГУ. (Афанасьевский сборник: материалы и исследования. Выпуск XII). — Воронеж: ИПЦ «Научная книга», 2012. — С. 262–280.
3. Бѣломорскія былины, записанныя А. Марковымъ. — М.: Поставщикъ Двора Его Величества Т-во Скоропечатни А. А. Левенсонъ, 1901. — 635 с.
4. Березкина Е. С. Этнонимическая лексика в устном народном поэтическом творчестве: дис. ... канд. филол. наук / Е. С. Березкина. — Курск, 2001. — 255 с.
5. Бобунова М. А. Распорядился он по богатырскому... (сравнительно-уподобительные наречия в онежском эпосе) / М. А. Бобунова // Лингвофольклористика. Выпуск 23. — Курск: Изд-во Курского гос. ун-та, 2016. — С. 11–18.
6. Венгранови М. А. Фольклорный текст в аспекте специфики фольклорной коммуникации / М. А. Венгранович // Стереотипность и творчество в тексте: межвузовский сборник научных трудов / Отв. ред. М. П. Котюрова. Вып. 6. — Пермь: Пермский университет, 2003. — С. 80–91.
7. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х томах / В. И. Даль. — М.: ГИС, 1956. — Т. II — 779 с.
8. Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. — М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1958. — 665 с.
9. Никитина С. Е. Устная народная культура и языковое сознание / С. Е. Никитина. — М.: Наука, 1993. — 189 с.
10. Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года: в 3 томах. — Изд. 4. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949 — Т. I — 736 с.; 1950 — Т. II — 806 с.; 1951 — Т. III — 669 с.
11. Ончуковъ Н. Е. Печорскія былины / Н. Е. Ончуковъ. — СПб: типо-лит. И. Соколова и В. Пасторъ, 1904. — 424 с.
12. Осовецкий И. А. О языке русского традиционного фольклора / И. А. Осовецкий // Вопросы языкознания. — 1975. — № 5. — С. 66–77.
13. Пѣсни, собранныя П. Н. Рыбниковымъ (подъ ред. А. Е. Грузинскаго): въ трехъ томахъ. — Изд. 2. — М.: Изд. фирмы «Сотрудникъ школь», 1909–1910. Т. I — 618 с.; т. II — 733 с.

14. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки / В. Я. Пропп. — Л.: Лениздат, 1986. — 415 с.

15. Пропп В. Я. Русский героический эпос / В. Я. Пропп. — М.: ГИХЛ, 1958. — 603 с.

16. Путилов Б. Н. Героический эпос и действительность / Б. Н. Путилов. — Л.: Наука, 1988. — 233 с.

17. Путилов Б. Н. Русский историко-песенный фоль-

клор XIII — XVI веков. Отв. ред. А. М. Астахова / Б. Н. Путилов. — М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1960. — 300 с.

18. Черноусова И. П. Фольклорно-языковая картина мира в призме лингвокультурных кодов (на материале русских волшебных сказок и былин): монография / И. П. Черноусова. — Липецк: ЛГПУ имени П. П. Семенова-Тянь-Шанского, 2022. — 151 с.

Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова-Тянь-Шанского

Черноусова И. П., доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы Института филологии

E-mail: ira.chernousova2010@yandex.ru

*Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University
Chernousova I. P., Doctor of Philology, Professor in the
Department of Russian language and literature Institute of
Philology*

E-mail: ira.chernousova2010@yandex.ru